



## Анатолий Градницын г. Иркутск

### Дед Мороз и Байкал

Давным-давно это было. Уже никто и не помнит когда. Старые шаманы говорили, что слышали эту историю от своих дедов, а те – от своих. А самым первым узнал эту историю старый шаман Кэрэкэн Тойон, когда камлал и бурханил на горе Ехе-Ёрд. Вот он-то и рассказал её людям.

Во времена те стародавние был Байкал уже седым дедушкой. На постое держал он у себя рыб самых разных да зверушек распрекрасных. В воде резвились рыбки – Омулёк, его подруга Голомянка, а с ними дядька их – хмурый Хариус. Дружил с ними нерпёнок Гоша. Весело жили, вместе играли, ныряли, не обижали друг друга никогда. По берегам Байкала бродили стада козлов да оленей диких, лосей было невиданно, гуляли медведи лохматые, в дуплах деревьев свои гнёзда пчёлы дикие обустраивали. А птиц разных певчих немерено было.

Был у дедушки Байкала старинный друг – Дед Мороз. Такой же старый, как и он сам. Дружили они с детства самого малого. Вот только виделись редко – уж больно жарко было Деду Морозу в тёплой шубе и валенках. Не мог он долго гостевать у друга свое-

го. Приедет на оленях на недельку-другую, да и снова домой собирается – на Север. Там ему хорошо было. Посему год целый почти и жил он на Севере, среди медведей белых да моржей толстокожих.

Однажды ни с того ни с сего люди какие-то дикие на Байкале объявились. Откуда пришли – не знает никто. Птицы полевые не знают, звери лесные не слышали; и рыбы не видели, чтобы плыл на лодке человек какой.

Вышел их старшой – Мандалайкой его звали – из леса на берег и кричит:

– Эй, дядько, зовут-то тебя как?

– Байкалом кличут, милок, Байкалом, – отвечает ему дедушка Байкал.

– Поживём мы у тебя маленько. Ты как, стерпишь-то нас?

– Да чего ж терпеть, коли люди вы разумные да степенные. Живите на здоровье.

Так и стали жить они на берегу у Байкала. Огонь сразу развели. Да не костерок маленький, а пожарище жаркое. Прыгают вокруг огня, кривляются. Чёрные от сажи стали все, грязные. Копчёные как будто. Всю траву вокруг повиштопали, деревья поломали. А кострище их ненасытное всё больше и больше веток да сучьев требует, жрёт да жрёт сутками напролёт. Много деревьев в округе поломали да произвели людишки эти.

Не хотели работать люди эти чёрные, хлеб да соль в поте лица добывать. Стали провиант у зверья отбирать да грабежом заниматься. Медведь косолапый малину да ежевику собирал, жирок на зиму нагуливал. Так они его палками из малинника погна-ли, едва бока не намяли. Сами всю малину с ежевикой сожрали, а кусты поломали. Где теперь ягоды набраться-то?

Земляничку лесную всю уничтожили, не уродит она в году-то следующем. Траву повиштопали. Козлам да оленям жевать нечего стало, а потому ушли они в места глухие, безлюдные.

Когда всё под ногами у себя уничтожили людишки эти копчёные, на деревья полезли. На деревьях-то орешки лесные растут питательные да пчёлы дикие медок припасли. Вот где пожить-то можно!



И поживились. Все орешки лесные ободрали, птичкам ничего не оставили. Улетели птицы лесные куда глаза глядят. В тёплые страны, может быть. А может, на Север. Никто не знает. Птенцов малых на крыло поставили, бросили гнёзда свои и улетели.

Захотелось людям этим отведать мёда лесного дикого. А как подобраться к нему? Дупло-то с медком высоко на дереве находится, и охраняют его пчёлы грозные, боевые. Сутки круглые службу несут. Только сунься туда гость непрошенный коварный или чужак прожорливый незванный – мигом закусуют, в решето превратят. Страшно было людям. Никто не решался за мёдом слазать. Боялись все.

Тогда выбрал Мандалайка самого мелкого и тщедушного мужичонку и приказал ему за мёдом лезть. Тот не хотел, плакал, в ногах валялся, умолял не посылать его к пчёлам. Но Мандалайка был непреклонен. Он сказал, что если мужик откажется за мёдом лезть, его пожарят на костре и съедят, потому как продуктов у этих людей уже не осталось. Всё вокруг поели.

– Ты худой и маленький, в дупло пролезешь, – сказал Мандалай, – а мы тебя посадим, подсобим тебе, – и засмеялся смехом дурным.

Подвели мужика к дереву, где дупло с мёдом было, руки его к дереву притулили, вокруг дерева растянули. Три мужика к задку ему палки приставили и давай его вверх по дереву толкать. Так и дотолкали до дупла. Тут пчёлы всполошились, начали вокруг мужичонки этого кружить. Жужжат, гудят, так и норовят ужалить. Целый рой поднялся, и каждая пчела ужалить его норовит. Ну, думает мужик, конец мне пришёл. Закрыв глаза и приготовился, что заедят его сейчас. Вот, думает, попал. Если здесь не сожрут, то на земле точно жарят. Что лучше, ещё не известно.

Кружили-кружили вокруг те пчёлы, да так ни одна его и не ужалила. Только соберётся пчела его укусить, подлетит, нацелится, как вдруг в сторону улетает и не суётся больше. «Что такое, что за чудеса, – думает мужичок,

– неужто бояться они меня?». Так просидел он на дереве время какое-то, и ни одна пчела его не укусила. Осмелел тогда мужик, обнаглел, стал в дупло лезть да мёд руками загребать. А Мандалайка кричит ему:

– Ушат держи, в ушат мёд сваливай. Да смотри, чтобы до капельки всё забрал, ничего чтоб не осталось. Я проверю.

Вытащили мужики ушат, что поболее других был, и на верёвке к дуплу подняли.

– Эх, уважу тебя, Мандалаюшка, благодетель ты наш, – кричит ему мужик, – пировать сегодня будем! Медка-то здесь навалом! – А сам плюёт тихонько в сторону да слова обидные и ругательные про Мандалайку бормочет.

Весь мёд забрал мужичок, ничего не оставил, соты все поломал. В общем, разграбил всё бессовестно и безбожно. И ни одна пчела его не ужалила. В чём секрет, спросите вы. Да всё очень просто. Воняло сильно от мужичка копчёного. А пчёлы очень этого не любят. Так и разграбили людишки все жилища пчелиные, весь мёд забрали. Собрались тогда пчёлы в рои и улетели за матками своими от людей подальше, в чащи лесные да таёжные.

Прошло время какое-то недолгое, закончился мёд у людей. Нового-то нет. Нет и ягоды лесной, нет ореха. Ничего нет. Решили люди тогда к Байкалу пойти, провианту попросить. Вышел Мандалайка на берег и кричит:

– Эй, дядько Байкал! А ну-ка, дай нам рыбки твоей, да пожирнее, омуля и хариуса, да покрупнее, а в придачу голомянки дай, да посочнее.

Зашумел Байкал, заволновался:

– Ты пошто это, человек несмышлёный, дерева да кустарники и места ягодные загубил, зверя, птицу да пчёл работных по миру пустил? А теперь уже и к детям моим подбираешься, загубить их желаешь? Они ведь дети мои, хоть и не утробные, но Богом данные, природные. Никому не дам их в обиду. Не бывать по-твоему. Уходи.

– Дядько Байкал! Я тебя по-хорошему прошу, дай рыбки маленько. А нет, так продай. Расплатимся когда-нибудь.

Ещё больше Байкал заволновался, почернел:

– Нет, человек ты, совесть потерявший. Ни друзей, ни детей я своих не предаю и не продаю. Это мой тебе ответ последний.

– Ну, смотри, дядько Байкал. Я ведь тебя по-хорошему просил, унижался перед тобой. Не пожалел бы ты потом, старикашка.– И Мандалайка с гордо задраным носом ушёл в лес.

А в это время далеко на Севере собирался Дед Мороз в дорогу, в гости к другу своему старинному Байкалу. Собрал поклажу, гостинцев мешок, запряг оленей в сани и двинулся в путь. Далёкий путь ему предстоял, нелёгкий. Всю тундру проехать надо, порядок навести. Чтобы трава вся северная, ягодка да цветочки зимой не замерзли, убавлять их нужно и снежком припорошить. А в тайге медведей – безобразников лохматых морозцем крепким по берлогам разогнать, чтоб не шатались зимой попусту и не задрали кого. Птиц перелётных поторопить, чтоб летели скорее в страны тёплые, не то замёрзнут. Зима на носу. Других скотов да зверей по хатам их зимним разогнать, чтоб на морозе не помёрзли.

Взял в дорогу Дед Мороз посох. А посох-то волшебный. Ударит им о землю один раз – лёгкий морозец придёт, заиндевет всё вокруг, притихнет, трава зелёная инеем покроется. Ударит второй раз – покрепчает мороз, зашиплет за носы и уши, да за хвосты куцы. Того и гляди, отморозишь чего. Снег разом пойдёт – снежинки мягкие, крупные. Третий раз ударит – затрещит мороз лютый, кусачий, пурга начнётся чёрная – зги Божьей не видать.

Едет Дед Мороз по тундре, по лесам да по горам и песенку поёт:

*По диким просторам Сибири  
Гуляет владыка-мороз.  
Зима наша лучшая в мире,  
Вам скажет любой эскимос.*

А впереди сороки летят белобокие, длиннохвостые и тарыхтят во всё горло: «Зима идёт! Мороз! Зима идёт! Мороз». Слышит

их галдёж зверье и птица и спешит быстрее по норам да по дуплам укрыться, от холода да пурги схорониться.

Проехал Дед Мороз тундру приполярную, таймырскую – зима там наступила. Мороз колючий, пурга. Проехал тайгу эвенкийскую и горы якутские – и там зима. Ближе Байкал уже. Пара дней пути всего-то. Сороки на хвостах своих бестолоковых принесли уже весточку зверью прибайкальскому, что мороз приближается, зима скоро. Не было тогда телефонов сотовых, все новости сороки приносили. Вот и дедушка Байкал услышал от них эту весть, обрадовался – встретится наконец с другом он своим старым.

Ждёт не дожждётся Байкал Деда Мороза, волнуется, волны крутые о скалы бьются, брызгами разлетаются. А Мандалайка тем временем в кустах сидит, за рыбами следит и думает, как бы изловить их да съесть. В воду лезть неохота. Страшно, да и плавать-то никто не умеет. Думал он, думал и придумал наконец-то.

Приказал Мандалайка мужикам дерево потолще завалить и выдолбить из него внутренности все, кору ободрать и спереди бревно то заострить, чтоб как нос получилось. Сделали мужики, как было приказано, и вышла у них лодка. Выточили потом они вёсла из хлыстов и копыя острые и поплыли рыбу добывать.

Подплывают они тихонько к местам тем, где Омулёк с Голомянкой да с дядькой их Хариусом отдыхали, и начинают в них копыями тыкать. Да не тут-то было. Мимо всё. Уворачивается рыба от копий их, в глубину уходит. Так ни с чем и вернулись они. Мандалайка кричит, ругается. Мол, бестолочь, остолопы. Рыбу глупую изловить не умеете. А сам думает, что бы сделать, чтобы рыбу поймать.

Два дня думал, потом собрал мужиков и баб тоже и говорит им:

– А ну-ка, рвите на себе волосья.

Те взвыли в один голос:

– Да что ты, Мандалаюшка, благодетель! Как же без волосьев мы будем, замёрзнем, околеем.



– Рвите, приказываю!

А волосья-то у них у всех густые, длинные и как будто салом смазаны. Закутаешься в них – и шубы не надо. Тепло, и дождик не намочит. Худо им без волосьев будет. А Мандалайка всё не унимается, ещё пуще прежнего раздухарился:

– Рвите волосья, иначе нашла на вас силу колдовскую, бесовскую, нечистую. В огне гореть будете, мучиться.

Испугались люди, волос кучу целую надрали. Потом свили из волос этих нити тонкие, прочные, а из нитей сети связали. Все-му этому их Мандалайка научил. И откуда он всё это знал?

Погрузили мужики сети в лодку и поплыли по Байкалу туда, где рыбка плескалась. Растянули сети, а сами на лодке возле берега за камнем большим спрятались и караулят, когда рыбка какая в их сети попадёт, запутается. Час ждут, два ждут. Нет никого. Как вдруг заходила сеть, задёргалась, по воде круги пошли, брызги полетели.

Присмотрелись мужики, а это Омулёк с Голомянкой да дядька их Хариус в сети запутались и вырваться не могут. Обрадовались мужики, погребли на лодке. Весёлые, песни поют.

Говорит тогда дядька Хариус Омულёку:

– Давай, Омулёк, племяш мой, Голомяночке поможем, из сетей её вызволим. Маленькая она, юркая. Легче ей будет спастись и в глубину уйти. А мы с тобой здесь на погибель нашу останемся. Не судьба, видно, жировать нам на воле.

Согласился Омулёк. Стали они вдвоём Голомянку из сетей выпутывать. Глядь, а тут нерпёнок Гоша подплывает и кричит:

– Ребята, еле успел! Видел я всё. Давайте Голомянку спасём, а потом я и вас выпутаю.

А мужики на лодке подплывают всё ближе и ближе, уже и копия свои приготовили.

Дедушка Байкал в это время вздремнул маленько и не слышал ничего. А когда проснулся от шума и возни, сразу всё понял. Разгневался Байкал, разволновался. Волны высокие, крутые покатались на скалы прибрежные, разбиваясь о камни на тысячи брызг, тучи чёрные пошли по небу, ветер за-

выл неистово, шторм начался. Загудел Байкал голосом трубным, глубинным:

– Баргузин-ветер, сын мой младший, прилетай скорее, помощь твоя нужна. От людей неблагодарных спасти детишек наших младших надобно. Налети ураганом неистовым, прогони злодеев окаянных.

– Слышу тебя, отец, слышу. Лечу, – раздалось где-то в вышине.

А лодка в это время, несмотря на шторм, приближалась к сетям. Увидели мужики нерпёнка, обрадовались. Будет им на ужин мясо сочное, жирное, а Мандалайке – шапка царская. Аж языками зацокали они и ещё быстрее вёслами заработали.

Наконец-то выпутали друзья Голомянку из сетей и заставили её в глубину уйти. Не хотела она, упиралась, всё порывалась Омулёк и Хариуса спасти. Да какой с неё толк! Маленькая совсем. А вот Омулёк с дядькой Хариусом запутались основательно. Никак не может Гоша освободить их. Сеть порвать или разгрызть не получается у него. Прочная больно. Что делать?

Прилетел тут Баргузин-ветер, давай на лодку дуть да к берегу её отгонять. А мужики вёслами-то гребут, упираются, не хотят на берег без добычи возвращаться. Волны бьют в борта лодки, ветер её гонит, а мужики всё упорствуют. Так и боролись они друг с другом. Никто не мог пересилить.

Тут вдруг неожиданно подъезжает к Байкалу Дед Мороз и сразу непорядок замечает.

– Что нахмурился да невесел, друг ты мой старинный? – спрашивает Дед Мороз у Байкала. – Али обидели тебя людишки эти бесстыжие и наглые, али нездоров будешь? Ну да ладно, вижу я всё. Подсоблю тебе.

Ударил Дед Мороз посохом своим волшебным о землю один раз – морозцем лёгким повеяло, скалы да камни прибрежные инеем покрылись, вода потемнела, густая стала. Ударил второй раз – крепче мороз стал. Брызги, что от волн на скалы да камни летели, замёрзли и в громадные сосульки превратились. Вода в озере быстро замерзать начала, и вскоре лодка в лёд совсем вмёрзла. Ни туда, ни сюда сдвинуться не может. Мужики замёрзли без волос-то,

испугались, выскочили на лёд и к берегу побежали. А вылезти на берег не могут – везде сосульки огромные частоколом стоят. Бегали-бегали, еле нашли дырку, чтоб пролезть можно было.

В это время Омулёк с дядькой Хариусом – Гоша им помог – выпутались-таки из сетей и ушли в глубину, а нерпёнок на льду остался. Лежит себе спокойненько, отдыхает, на снегопад смотрит, любит.

– Не холодно ли тебе, маленький? – Дед Мороз спрашивает.

– Нет, дедушка, не холодно. Шуба у меня тёплая, да и жирку нагулял я на зиму предостаточно. Не замёрзну, однако.

– Ну, смотри, малыш, если холодно станет, зови меня, не стесняйся.

А сбежавшие из лодки мужики тем временем отогрелись у костра, и Мандалайка снова их на промысел посылает:

– Видели, балбесы, нерпёнок на льду остался, а кругом ни одной полыньи нет. Бежать ему некуда. Поймаем мы его сейчас без труда.

Взяли они колья да копья и стали тихонько к нерпёнку подбираться. Тихо так, осторожно, чтобы не заметил он их. Совсем близко подошли, наброситься уже хотели, как вдруг Гоша учуял их и дал дёру что есть мочи. А мужики за ним. Да куда там! Человечек быстрее бегаёт, чем тюлень.

Стали мужики его догонять. Увидел это Дед Мороз, ударил посохом о землю третий раз. Затрещал мороз лютый, пурга сильная началась, не видно впереди ничего. Стали мужики отставать понемногу, но всё одно бегут за Гошей, изловить хотят. А мороз всё сильнее и сильнее. Стал лёд у них под ногами трескаться. Да трещины-то неглубокие. Так, сверху трещинки малые, не провалишься. А потому побежали они дальше, нерпёнка догонять. Того и гляди поймают.

Дедушка Байкал увидел такое дело и задал голосом своим трубным, глубинным:

– Богатырь великий, Хамар-Дабан благородный, только ты сможешь помочь. Только силища твоя непомерная на поступок такой способна. Подо льдом я, тесно мне, трудно шевелиться. Поверти меня с боку на бок.

– Слушаюсь, дедушка. Подставляй бока, – отвечал славный богатырь Хамар-Дабан.

Собрал он силы свои немереные и стал вертеть дедушку Байкала. Закряхтел Байкал, захохал, стал лёд трескаться, а льдины друг на друга полезли. Большие полыньи и промоины образовались. В одну из них и нырнул нерпёнок Гоша. А там его уже друзья поджидали – Омулёк, Голомянка и дядька их, хмурый Хариус.

Спрашивает у них Дед Мороз:

– Не холодно ли вам, ребяташки, в воде сидеть-то, не зябните?

– Нет, – отвечают они, – дедушка, не холодно, отлично.

Мужики покрутились немного да и на берег вернулись. Вскоре ушли эти люди копчёные куда-то. Мороз их, видно, согнал. Аккурат под Новый год всё это произошло. Может, в края тёплые подались, а может, золото в пещерах копать стали. Никто этого не знает.

С тех пор приходит мороз на Байкал под Новый год. Покрывается Байкал льдом толстым, чистым и прозрачным, а по льду трещинки в разные стороны разбегаются. Скалы да камни прибрежные в сосульки наряжаются. Как будто берега от гостей непрошенных охраняют. Баргузин-ветер задувает, снег белой пургой клубится. А со стороны восточной стоит величественный горный хребет Хамар-Дабан. Частенько случаются на Байкале землетрясения. Тогда ворочается лёд на озере, трескается, тесно ему, а потом полыньи да промоины образуются. Там и нерпа обитает, и рыба всякая подплывает свежего воздуха глотнуть.

Вот так и повелось с времён тех давних и до наших дней.

